

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ АВТОРИТАРНОГО ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Изотов А.И.

Рассматриваются основные различия русской и чешской языковых картин мира в области авторитарного побуждения. Отмечаются различия в концептуализации основных семантико-прагматических интерпретаций побуждения (приказ, совет, просьба, предложение) русским и чешским языками. Предлагаются принципы классификации подтипов побуждения (как основных, так и маргинальных), пригодные для разных языков

Ключевые слова: языковая картина мира, директив, императив, теория речевых актов, функциональная грамматика

1. О популярности термина «языковая картина мира» достаточно красноречиво говорит уже то обстоятельство, что на сайте <http://elibrary.ru/> (раздел «Российский индекс научного цитирования») представлено уже около девятисот (!) диссертаций, а также статей в ведущих рецензируемых изданиях, у которых данное словосочетание вынесено в заглавие, а ведь речь идет о работах, появившихся буквально в последние годы. Не вдаваясь в дискуссию по поводу данного термина, отметим, что нам близко «субъективистское», по определению О.А. Корнилова, понимание сущности языковой картины мира, когда «объективный мир не отражается зеркально (и сознание не стремится к этому), а преломляется, превращаясь в форму особого мира. <...> сколько языков - столько и Я[зыковых] К[артин] М[мира] и столько же уникальных мироотражений, которые не лучше и не хуже друг друга и которые не претендуют на тождественность с Н[аучной] К[артиной] М[мира]» [6: 99-100].

Под языковой картиной мира мы склонны понимать результат структурирования этническим языком имплицитно содержащейся в самом этом языке информации о Вселенной - как реально существующей, так и воображаемой. Поскольку различаются не только этнические языки, но и идиолекты, вполне правомерно говорить и об индивидуальных языковых картинах мира. Поэтому не только англичанин может кардинально разойтись во мнениях с русским по поводу **творога / cottage cheese** или **брынзы / sheep cheese** (сыр это или не сыр?), но и упрямая дочь способна довести отца до белого каления, упорно видя **ньюкки** там, где они видят **кнедлики** (чешский фильм Pelišky).

На последующих страницах мы попытались рассмотреть основные сходства и различия русской и чешской языковых картин мира в области «авторитарного» побуждения, реализующиеся в области и лексики, и грамматики, и прагматики.

2. В качестве основного источника фактического материала для нас послужили Национальные корпуса русского и чешского языков, так как корпусный анализ крупных и сверхкрупных (миллиард и более токенов) текстовых массивов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы вполне может привести к необходимости пересмотреть некоторые традиционные взгляды на то или иное языковое явление, которые ранее базировались прежде всего во многом на интуиции исследователя, ср. [4: 4-11].

3. Мы убеждены, что семантико-прагматические подтипы побуждения в естественных языках представляют собой не дискретные объекты, а своего рода микрополя с ядром (когда данный подтип однозначно и непротиворечиво выражен определенной конвенциализованной в языке структурой) и более или менее размытой периферией. Полевая природа категории императивности допускает различные варианты ее структурирования, см. [3: 47-63].

Традиционно выделяемые семантико-прагматические интерпретации побудительных высказываний в современных чешском и русском языках представляется целесообразным сгруппировать следующим образом:

- интерпретации, маркированные по признаку «индикация высокой степени вероятности каузируемого действия», которые естественным образом распадаются на три группы в зависимости от того, что □ обуславливает эту высокую вероятность: условно *приказ* / *rozkaz* – высокая степень вероятности каузируемого действия обуславливается авторитарным положением говорящего, условно *разрешение* / *dovolení* – предполагается, что действие не осуществляется лишь потому, что существуют некие препятствия или ограничения, которые говорящий компетентен снять данным речевым актом; условно *инструкция* / *instrukce* – предполагается, что агент сам заинтересован в выполнении данного побуждения;
- интерпретации, маркированные по признаку «индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия»: условно *просьба* / *prosba*;
- интерпретации, маркированные по признаку «индикация полезности для агента каузируемого действия / воздерживания от действия»: условно *совет* / *rada*;
- интерпретации, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: условно *предложение* / *návrh*.

Названные интерпретации представляют собой абстракции, способные распадаться на ряд более конкретных подтипов побуждения либо вычленять из себя подтип побуждения, маркированный по какому-либо специфическому признаку (например, *приказ* может развернуться в ряд *приказ, приказание, команда, наказ...*). Между названными группами нет четких границ: *запрет* соотносится и с *приказом*, и с *разрешением*; *указание* как разновидность *приказа* может перерасти в *инструкцию* и т.д., см. [5: 9-10].

4. В случае с «авторитарными» побудительными высказываниями побуждение направлено «сверху вниз», говорящий не сомневается, что адресат выполнит (либо, по крайней мере, попытается выполнить) каузируемое действие. Эта уверенность основана на социально институализированном праве либо ситуативно обусловленной возможности прескриптора применить по отношению к агенту санкции (поэтому приказывать может не только начальник подчиненному, но и грабитель в темном переулке – прохожему).

Поскольку чешский и русский языки структурируют поле императивности не совсем одинаково, соотношения между чешскими и русскими побудительными интерпретациями далеко не всегда однозначны, предлагаемое далее разбиение на параграфы носит несколько условный характер (не все интерпретации вынесены в названия этих параграфов, некоторые интерпретации упоминаются в нескольких параграфах, некоторые русские или чешские интерпретации не будут иметь формального соответствия в другом языке и т.д.).

Приказ, распоряжение - *příkaz, rozkaz, nařízení*

Следует отметить, что в чешской языковой картине мира *приказ* менее авторитарен, чем в русской, о чем, по нашему мнению, свидетельствует обычность сочетания *naléhavý rozkaz* в чешских лингвистических текстах, ср. [8: 71], [9: 339]. В русской же языковой картине мира сочетание **настойчивый приказ* имеет, по нашему мнению, ярко выраженный оксиморонный характер – там, где у говорящего есть возможность *приказывать*, ему незачем *настаивать*. Об этом же косвенно может свидетельствовать и то обстоятельство, что в нашем русском материале в авторском комментарии к побудительной реплике персонажа рассматриваемого типа в тех случаях, когда речь не идет о многократно повторяющемся действии, используются только глаголы совершенного вида, тогда как в материале чешском – глаголы как совершенного, так и несовершенного. Мы полагаем, что в русской языковой картине

мира **приказ** концептуализируется как завершённое действие, а в чешской может пониматься и как растянутый во времени процесс.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что хотя современный чешский язык, подобно русскому, располагает немалым количеством обозначающих «авторитарное» побуждение глаголов речевой каузации (*přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařídít // nařizovat, poručit // poroučet, nakázat // nakazovat*), эти чешские глаголы, как показывают контексты их употреблений, синонимичны в гораздо большей степени, чем соответствующие русские глаголы.

Чешское **nařízení**, так же, как и русское **распоряжение**, соотносится с понятием более общим (с русским **приказ** и чешским *příkaz*), оба так или иначе ассоциативно связаны с идеей упорядочения, устройства, управления, ср. однокоренные русск. *порядок, упорядочить*, чешск. *řízení, zařídit, řídit*. Тем не менее чешское **nařízení** вычленяется из общего понятия **приказ** – *příkaz* менее отчетливо, чем русское **распоряжение**.

Так, в нашем русском материале в качестве **приказа** характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение, а в качестве **распоряжения** – содержащие, как правило, более одного побуждения, тогда как наш чешский материал о подобном распределении говорить не позволяет.

Поручение - pověření

В обоих сопоставляемых языках представлены специфицированные для выражения авторитарного побуждения глаголы речевой каузации с отчетливой этимологической внутренней формой «передать в руки». Речь идет о русской видовой паре **поручить / поручать** и чешской *poručit / poroučet*, которые, впрочем, в истории каждого языка семантически значительно разошлись.

Для А. Вежицкой ‘поручать’ значит ‘уполномочивать’ [2: 265], именно данный оттенок значения (‘наделение правом совершить каузируемое действие’) противопоставляет **поручение** другим побудительным интерпретациям данной подгруппы (побудительные интерпретации, маркированные по признаку «авторитарное побуждение» – условно **приказ**). Впрочем, речь идет о привативной оппозиции, а никак не об эквиполентной: предполагается, что авторитет прескриптора достаточно высок не только для агенса, но и для тех, чьи интересы данное каузируемое действие может задевать и кто мог бы этому действию воспротивиться. Так, когда в поэме М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» православный царь «*велит*» братьям осужденного «по всему царству русскому широкому торговать безданно, беспошлинно», его повеление касается не только того, кто будет торговать, но и того (и прежде всего того!), кто может попытаться пошлину взыскивать.

Мы, однако, склонны полагать, что хотя оттенок значения ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ действительно характеризует семантический потенциал **поручения**, актуализуется этот признак далеко не во всех употреблениях русского глагола *поручить*. Что же касается чешского языка, то данный оттенок значения выражается уже не глаголом *poručit*, а глаголом *pověřit*, ср.: *Mě pověřil divisijní soud, jako vašeho představeného, vyslechnout vás a zasílá mně současně celé spisy týkající se vyšetřování*. (J. Našek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) Дивизионный суд **поручил** мне, как вашему начальнику, *допросить вас и одновременно посылает мне материалы следствия*. (Перевод П. Богатырева).

Мы считаем, что для русского речепотребления характерна актуализация другого содержащегося в семантическом потенциале **поручения** оттенка значения – каузируется действие, исполнение которого важно для прескриптора. Поэтому для вычленения **поручения** из общей подгруппы «авторитарных» побудительных интерпретаций важен не только признак ‘наделение правом совершить каузируемое

действие', но и признак 'важность исполнения каузируемого действия для прескриптора'. Во всяком случае, мы намерены постулировать это для русского языкового пространства, причем речь опять пойдет о привативной, а не об эквиполентной оппозиции: дивизионный суд может не только *поручить* полковнику разобраться с провинившимся подчиненным, но и *приказать* сделать это, и смысл высказывания от этого не изменится – как *по поручению*, так и *по приказу* полковник будет делать то, что нужно для прескриптора, тогда как если царь не *велит*, а *поручит* кому-либо «торговать безданно, беспошлинно», смысл высказывания изменится весьма кардинально (можно будет предположить, что сам царь каким-либо образом заинтересован в полученной таким образом лишней прибыли).

Заказ - *objednávka*

В качестве отдельного вида прескриптивного речевого акта может быть выделен **заказ**, осуществление которого связано, как правило, с конвенциональными ситуациями общения – ресторан, бюро обслуживания, магазин. Адресат расценивает каузируемое действие как обязательное, так как оно входит в круг его служебных обязанностей, ср. [1: 18].

Как показывают контексты употребления, в русской языковой картине мира данный подтип побуждения вычленяется более отчетливо, чем в чешской: хотя чешский язык и располагает глаголами *objednat / objednávat*, он, как правило, использует в составе интерпретирующего предиката те же глаголы *poručit (si) / poroučet (si)*, что и для выражения **приказа**.

Заповедь, наказ, повеление – *příkázání*

Весьма показательно сопоставление чешского **příkázání** и русской **заповеди**. В обоих сопоставляемых языках речь идет о разновидности «авторитарного» побуждения, к отличительным признакам которой мы относим: а) стилистическая маркированность, б) ритуализованность; в) максимальная степень обязательности. И русск. **заповедь**, и чешск. **příkázání** характеризуется ограниченной сферой употребления, ср., например, известные *десять заповедей (desatero příkázání)* из 5 главы Второзакония.

Однако в то время, как чешское **příkázání** мотивируется тем же глаголом **příkázat**, что и **příkaz**, вступая в силу этого с последним в очевидные ассоциативные связи, русская **заповедь** мотивируется глаголом **заповедать**, маркированным (в отличие от мотивирующего **приказ** глагола **приказать**) как явный церковнославянизм. Обособлению русской **заповеди** от **приказа** (как общего понятия) способствуют и две примыкающих к ней семантически и стилистически близких интерпретации – **наказ** и **повеление**.

С **наказом заповедь** объединяет некая ритуализованность, отличает же то, что предписанное **заповедью** становится обязательным к выполнению уже навсегда, «время действия» **заповеди** неограниченно, презентно-футуральная перспектива побуждения бесконечна, **заповедь** можно исполнять, но нельзя исполнить, **наказ** же более конкретен – даже если речь не идет об однократном действии, темпоральные ограничения налицо, **наказ** должен не только исполняться, но и быть исполненным (ср., например, словосочетание *наказы избирателей*). Несмотря на бесспорную маргинальность, и **наказ**, и **заповедь** продолжают существовать в русском языковом пространстве поля побудительности.

Повеление, в отличие от **заповеди** и **наказа**, не ритуализованно (т.е. не маркировано в качестве такового), с **наказом** его сближает конкретный характер побуждения (**повеление** обычно может не только исполняться, но и быть исполнено), а с **заповедью** – абсолютность авторитета прескриптора: *велеть* может кто угодно, а *повелеть / повелевать* – только Господь или, по крайней мере, монарх.

Команда – Povel

В качестве особой функциональной разновидности **приказа** следует рассматривать **команду** (чешск. *povel*), которая может быть представлена как разновидность категорического побуждения к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности исполнения.

Рокун – указание

В качестве особого социально значимого подтипа побуждения может быть выделено **указание** (чешск. *rokun*), так же, как и **команда**, характеризующееся суженной сферой употребления: с указаниями мы встречаемся «...прежде всего в служебных разговорах, когда, например, руководящий работник дает задания своим подчиненным» [10: 69].

Naipomenutí

Элементом «авторитарного» участка чешского поля императивности, не имеющим формального аналога в русском языковом пространстве, является *naipomenutí* – **одергивание* [букв. напоминание]. О. Мюллерова определяет данное побуждение как «вариант приказа и запрета, реализующийся прежде всего в определенных ситуациях, чаще всего в школе, в семье, при общении взрослых с молодежью и т.п.» [10: 69].

Е.А. Филатова относит глагол *напомянуть* к числу номинаций речевых актов побуждения в русском языке [7: 64], однако **напоминание** в качестве побудительного речевого акта не анализирует.

Запрет - zákaz

Прохибитивным коррелятом **приказа** является **запрет**, т.е. своего рода приказ с отрицанием. В русском языке эта соотносительность прослеживается и на лексическом уровне. Так, двувидовой глагол *велеть* синонимичен каузативу *приказать* / *приказывать*. Когда же этот глагол присоединяет отрицательную частицу *не*, он начинает означать уже не столько *не приказать* / *не приказывать*, сколько *не разрешить* / *запретить*:

- (1) *Ведь он велел тебе открыть окно – Нет, не велел (т.е. не приказал).*
- (2) *Отец не велел (т.е. запретил) включать телевизор.*

Возможность неоднозначной интерпретации сочетания *не велеть* обуславливает возможность неоднозначной же интерпретации хотя и не вполне литературного, однако довольно употребительного сочетания *не велено* ('не было приказа, распоряжения' ~ 'нельзя, было запрещено').

Таким образом, **запрет** выступает как прохибитивный коррелят не только **приказа**, но и **разрешения**. Общим признаком, объединяющим запрет и разрешение, является авторитарная позиция говорящего – его признаваемое адресатом право каким-либо образом ограничивать деятельность адресата (запрет) или, наоборот, ликвидировать уже существующие ограничения деятельности адресата (разрешение).

Семантическая соотносительность **разрешения**, **запрета** и **приказа** хорошо иллюстрируется следующим фрагментом из романа А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров»:

Он все время видел маму, как ей сообщат: «Ваш сын пропал без вести», и какое у нее лицо, и как отец трет себе щеки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... Нет, сказал он себе. Об этом думать не разрешается. О чем угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать. Все.

При этом необходимо иметь в виду, что **запрет**, представляя собой «отрицательное» побуждение (**приказ** + отрицание, **разрешение** + отрицание, ... +

отрицание), в силу этого способен вступать в неоднозначные соотношения также и с другими возможными побудительными интерпретациями.

5. Суммируя изложенное, следует констатировать, что современный русский язык структурирует область авторитарного побуждения гораздо более детально и строго, чем современный чешский язык, что проявляется не только на лексическом уровне, но также в грамматике и прагматике. У соотносимых с русскими чешских авторитарных семантико-прагматических подтипах побуждения (если в качестве *tertium comparationis* использовать принятые в классической теории речевых актов принципы классификации) следует отметить сниженную степень проявления авторитарности, а также бо́льшую размытость границы между авторитарными и неавторитарными подтипами побуждения.

Список использованной литературы:

1. *Беляева, Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. – 167 с.
2. *Вежбицка, А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 251-275.
3. *Изотов, А.И.* Опыт корпусного анализа функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2007. № 3. – С. 47-63.
4. *Изотов, А.И.* Чешский национальный корпус и аналитический императив: опыт корпусного анализа малоупотребительных и маргинальных языковых единиц // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 2. – С. 4-11.
5. *Изотов, А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: Автореф. ... доктора филол. наук. - М., 2007.
6. *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. - М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
7. *Филатова, Е.А.* Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 253 с.
8. *Grepl, M.; Karlik, P.* Skladba spisovné češtiny. – Praha: SPN, 1986. – 474 s.
9. *Mluvnice češtiny.* – Praha: Academia, 1987. D. III. – 748 s.
10. *Müllerová, O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. – Praha, 1979. – 161 s.

AUTHORITARIAN DIRECTIVES IN RUSSIAN AND CZECH WORLDVIEW

Izotov A.I.

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Philology

The main differences between Russian and Czech worldview in the field of directive modality are considered. Dissimilation between correlative Russian and Czech directives is analysed. New principles of directives classification are offered.

Key words: linguistic relativity, directives, imperative, speech acts, functional theories of grammar

Сведения об авторе: **Изотов Андрей Иванович**, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук; e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Изотов, А.И. Особенности концептуализации авторитарного побуждения в русской и чешской языковых картинах мира // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – №4. – С. 17-22